

Татьяна Никулина
Ольга Киселева

**Противостояние СССР и Финляндии
в годы Второй мировой войны:
взгляд гражданского населения Карелии**

Первую половину XX в. в российской истории можно без преувеличения назвать временем войн, в том числе и военных противостояний с Финляндией. В современных исследованиях о военном времени актуализируется изучение «человеческого измерения войны», стали широко разрабатываться социально-психологические проблемы, что повысило интерес к источникам личного происхождения. Несмотря на то, что все виды автобиографических материалов, в том числе и личных свидетельств, обладают нередуцируемой глубиной¹, исследовательские практики, связанные с устной историей, позволяют более активно использовать как коллективную, так и индивидуальную память каждого отдельного представителя того поколения, на долю которого выпало испытание войной².

Войны трагически преломлялись в судьбах не только солдат на фронтах, но и гражданского населения. В основе данной работы лежат биографические интервью представителей всех этнических групп гражданского населения Карелии. Работа с респондентами проводилась в 2000–2007 гг. Интервью записывались у людей, родившихся на протяжении 20-х – середины 30-х гг. XX в. и являвшихся первым поколением жителей Карелии, выросшим в советское время. Таким образом, мы имеем дело с индивидуальной и коллективной памятью молодежи республики применительно к периоду Второй мировой

¹ Голофаст В. Б. Концепции индивида и пространство биографий // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. СПб., 2004. С. 9.

² Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования. М., 2006; *Сенявская Е. С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 5–21; *Хмелевская Ю. Ю.* О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 7–21; *Шаиде К.* Коллективные и индивидуальные модели памяти о «Великой Отечественной войне» (1941–1945 гг.) // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. М., 2005. С. 119–141.

войны. Это воспоминания детско-юношеской поры со всеми преимуществами непосредственной эмоциональной реакции на события, запечатленной в долговременной памяти, и недостатками, связанными с отсутствием должного жизненного опыта, необходимого для оценки происходивших событий.

«Народная» репрезентация памяти о войне, основанная на методиках устной истории, предопределяет, что каждый индивидуум в рамках собственной социальной среды, в контексте личного переживания событий пытается самостоятельно осмыслить свой исторический опыт и сконструировать воспоминания¹. Дискурс может быть инициирован властью, которая формирует официальный образ военного времени, или личными мотивациями. Именно эти потребности частного человека поделить личным историческим опытом создают многочисленные нити межпоколенных связей, и метод делегированного опроса, когда интервью записывалось близким человеком, оказался при опросах наиболее эффективным.

Выявленные различия и совпадения в биографических интервью определяются культурно-историческим контекстом военного времени: особенностями условий проживания в городе или сельской местности, спецификой регионального положения населенного пункта (степенью удаленности от границы, а значит от места боевых действий, нахождением на оккупированной территории), социальной средой, этнической принадлежностью, реалиями межнациональных отношений, историческим опытом взаимодействия с властными структурами. Необходимо учесть, что 30-е гг. XX в. — это время массовых политических репрессий в стране, которые создали специфическую общественную атмосферу и явились травматическими событиями для значительной части респондентов.

Территория советской Карелии занимала особую позицию в геополитической стратегии 20–30 гг. XX в., и финский фактор как существенное обстоятельство неминуемо оказал воздействие на жизнь и судьбу жителей Карелии, прежде всего в связи с событиями Второй мировой войны. Она изменила жизнь республики с момента начала «Зимней войны». Советско-финляндская война 1939–1940 гг., как показывают результаты опросов, явилась войной «неизвестной» для многих респондентов: у них не было четких представлений о причинах противостояния двух государств, о развитии военных действий на

¹ См. подробнее: *Гринченко Г.* «Устные истории» и проблемы их интерпретации // Век памяти, память века... С. 213–219; *Безрогов В. Г.* Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение Истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 26–28.

фронте. Вместе с тем в памяти сохранились многие черты изменившихся реалий повседневности, вызванных близостью нахождения территории республики к театру военных действий.

Согласно официальной версии событий, отраженной в публикациях советской прессы зимой 1939–1940 гг., главной целью войны являлась помощь борющемуся народу Финляндии¹. Именно эта идея, по замыслу власти, должна была стать стержневой в пропагандистской кампании. Однако правдивой информации о военных действиях на фронте средства массовой информации не давали. Респонденты подчеркивали, что об обстановке на фронте они преимущественно узнавали из разговоров, слухов, рассказов раненых, находившихся в госпиталях, или вернувшихся с войны бойцов (интервью, пп. Пряжа, Эссойла, Шуньга, г. Петрозаводск).

В воспоминаниях о суровой зиме 1939–1940 гг. в биографических интервью преобладают образы-символы тех изменений окружающего пространства, которые были связаны с особенностями военного времени. Они преимущественно носят яркий, картинный характер. Все респонденты были очень внимательными наблюдателями и не упускали из виду новые черты в облике того населенного пункта, где жили: большое число госпиталей, много военного транспорта, войск. Запоминаются красивые офицеры и солдаты; вкусная еда, которой угощают из солдатской походной кухни, и ощущение праздничности и приподнятости в настроении, потому что изменения военного времени в тылу воспринимались молодежью как интересное событие, которое нарушило монотонность, рутину жизни (интервью, гг. Петрозаводск, Олонец, д.д. Салминичи, Ведлозеро, Видлица). «Я тогда танк впервые увидел. Меня даже на броне прокатили. Я аж онемел от счастья. Со мной говорят, а я молчу», «А как интересно на вокзале было! Эшелоны с войсками шли и шли. Мы все бегали с ребятами смотреть» (интервью, п. Эссойла, г. Петрозаводск).

Типичные высказывания той поры среди молодежи Карелии, зафиксированные в интервью, были продиктованы этой обстановкой: «Когда мы в классе обсуждали войну, то все были уверены, что победим за пару недель», «Родители говорили, что к Новому году война кончится». «Всем нам хотелось быстрых победных атак, как в кинофильмах тех лет. Натиск и враг побежден!» (интервью, гг. Петрозаводск, Беломорск).

Однако внимательный взгляд наблюдателя подмечал многие детали, которые вызывали тревогу. Респонденты вспоминали о том

¹ Правда. 1939. 1 декабря, 2 декабря; Красная Карелия. 1939. 6 декабря, 8 декабря, 10 декабря, 15 декабря.

непонимании, которое вызывала у них самих и у окружающих их взрослых родственников и знакомых плохая экипировка войск: легкие шинели, тонкие белые маскхалаты, ботинки с обмотками на ногах. Дома открыто это обсуждали и ругали руководство войсками. Именно плохо одетые войска для многих, кто давал интервью, стали символом надвигающейся беды. «Когда стали приходить сведения о неудачах на фронте, и, прежде всего о том, что, замерзая, гибнут целые дивизии, я сразу вспоминал солдат в легких шинелях и ботинках с обмотками. В духе времени мы с друзьями говорили о вредительстве в армии. Иначе просто было не понять, почему это происходит» (интервью, г. Петрозаводск).

С началом военных действий власть пыталась воздействовать на морально-психологическую атмосферу в обществе, чтобы как можно более полно использовать мобилизующие факторы. Вместе с тем серьезного всплеска патриотизма в период войны 1939—1940 гг. по материалам интервью в Карелии не было. Респонденты говорили о том, что к финнам относились как к военному противнику, но сильной ненависти не проявляли.

Вне зависимости от пропагандистских усилий власти образ врага как образ, наделенный негативными качествами, в годы войны неминуемо стихийно конструируется на уровне обыденного восприятия происходящего каждым отдельным человеком, в результате «образ врага» часто опирается в коллективной и индивидуальной памяти на мифы военного времени, в которых своеобразно преломляется официальная информация о действиях противника, его облике и т. д. Например, и в городе, и в сельской местности в Карелии широко бытовали рассказы о тотальном минировании местности финскими солдатами перед их отступлением или о коварстве финских снайперов — «кукушек». Как правило, респонденты предваряли свои воспоминания об этом словами: «Тогда все об этом говорили...» или «Все это обсуждали...».

Однако мифологизация каких-то сюжетных линий в индивидуальной памяти постоянно переплетается с воспоминаниями о конкретных реалиях повседневности. И у значительного числа женщин, дававших интервью, память о небывалых холодах неразрывно спаяна с воспоминаниями об их работе в госпиталях, где было огромное количество обмороженных. Так как наши респондентки были тогда подростками, то они оказывали посильную для их возраста помощь: ухаживали за ранеными и обмороженными в палатах и писали письма родственникам солдат. Рассказывая об этом, они отмечали, что приходилось писать очень много писем не потому, что люди были неграмотны, а «сплошь руки у всех отморожены были» (интервью, г. Петрозаводск).

Как показывают материалы периодической печати и архивные данные об идеологической работе среди населения, официальная пропаганда, в силу сложившейся политической обстановки, не успела до лета 1941 г. разработать и реализовать программу действий по формированию официальной памяти о «Зимней войне». Как следствие своеобразного невнимания (скорее всего следует вести речь о намеренности невнимания) официальной пропаганды к этим событиям, мы можем констатировать возникновение феномена, когда гражданское население Карелии сохранило в своей памяти непосредственные, не прошедшие через сито цензуры, индивидуальные реакции, которые тем важнее для нас, что дополняют, корректируют, тестируют на истинность многие документы официального происхождения. Конформность позиции подавляющего числа жителей приводит к тому, что официальные оценки ослабляют или совсем стирают независимые личные представления и реакции. В нашем случае присутствует живая ткань памяти, сформировавшаяся преимущественно только под воздействием индивидуального исторического опыта. Вместе с тем необходимо особо отметить, что советско-финляндская война вписывается в индивидуальную память поколения молодых современников событий как явление, которое не было до конца осознано и понято. Память о последующих военных испытаниях Великой Отечественной войны во многом заслонила исторический опыт, приобретенный зимой 1939–1940 гг.¹

В официальной памяти о Великой Отечественной войне на территории Карелии закономерно обозначались те памятные сюжеты, которые содействовали героизации военного прошлого и создавали образ всенародной борьбы за освобождение Родины. Вследствие этого собирались и делались достойным гласности воспоминания подпольщиков, партизан, узников концлагерей, т. е. той части населения, которая активно противостояла финской оккупационной власти, боролась с ней с оружием в руках или серьезно пострадала от нее. Однако коллективная и индивидуальная память о пространстве оккупации, личный исторический опыт отдельного частного лица, которое принадлежало к большинству обычного гражданского населения, попавшего в жернова военного времени и стремившегося в этих экстремальных условиях просто выжить, сохранить близких, дожидаться мира, мало изучены².

¹ Никулина Т. В., Киселева О. А. Советско-финляндская война в памяти гражданского населения Карелии (по материалам устных опросов) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 327–328.

² Объем статьи не позволяет в полной мере использовать материалы биографических интервью той группы населения, представители которой проживали в годы войны на неоккупированной территории Карелии. Финский фактор наиболее серьезно преломился в судьбах тех, кто оказался в оккупации. Это предопределило структуру представленной работы. Необходимо уточнить, что в данной статье мы не останавливаемся также на вопросах положения гражданского населения, оказавшегося в концлагерях. Эта особая тема, требующая своего специального освещения.

Подобное положение объясняется определенной дихотомией социальной памяти различных этнических групп населения республики. Индивидуальный и коллективный исторический опыт карел, вепсов и финнов-ингерманландцев, приобретенный в годы оккупации, настолько серьезно отличался по своим параметрам, что приходил в противоречие с утверждениями официальной пропаганды и не мог быть востребован для формулирования официальной памяти об этом периоде времени. Социальная память карел и вепсов о времени оккупации 1941–1944 гг. оказалась вне сферы научных интересов историков. Следствием невнимания к историческому опыту данной группы населения явилось отсутствие такого важного источника, как воспоминания об этом периоде. В исследовательской литературе отмечалось, что «история знает немало примеров торжества устности, когда она была единственной и полноценной формой циркуляции знания, и это относится не только к древней истории. Императив устной истории и традиции (как метода исследования и фиксации памяти) обнаруживается всюду, где невозможна письменная история»¹.

Реконструкция оккупационной политики финской власти на захваченной территории КФССР на основе биографических интервью ставит перед нами определенные проблемы, определяющиеся особенностью коммуникативной подачи материала. Селективные особенности памяти и уровень социализации часто не позволяли респондентам обрисовать сложную по структуре, целям и задачам политику оккупантов. На захваченной территории, которая в официальных финских документах именовалась Восточной Карелией, где компактно проживало финно-угорское население, осуществлялась политика, нацеленная на создание условий для вхождения ее в состав Великой Финляндии². Русские, белорусы, украинцы (славянское население) именовались «инонационалами» и рассматривались как чужеродный элемент на занятой территории. Их предусматривалось после окончания войны выселить с захваченных земель. Во время военных действий значительная часть «инонационалов» содержалась в концлагерях, другие проживали преимущественно в сельских районах Заонежья³. Расхождения в основных принципах проведения оккупационной политики финскими властями создали основу для формирования двух

¹ Хубова Д. Память для забвения, забвение для памяти? // Век памяти, память века... С. 77.

² Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике Советской Карелии во время Второй мировой войны // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 100.

³ Рогаткин Д. Ф. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах. Петрозаводск, 1994. С. 15.

различных по своим доминантам комплексов воспоминаний. Коллективная и индивидуальная память финно-угорского и славянского населения о пережитом в годы оккупации имеют свои объективные разночтения. Вместе с тем экстремальные условия военного времени предопределили и многие общие компоненты индивидуального исторического опыта, а значит, и повторяемость в основных сюжетообразующих линиях личных свидетельств.

Объявление войны Советскому Союзу фашистской Германией, а затем Финляндией предопределило крушение мирного строя жизни для жителей советской Карелии. В республике разворачивается работа в соответствии с утвержденными мобилизационными планами, и осуществляются первоочередные мероприятия, продиктованные военным временем. В Петрозаводске и других городах республики проводятся митинги, начинается массовый призыв в армию, формируются партизанские отряды и истребительные батальоны. Эти события в короткий срок создали для населения новое символическое пространство существования. Военное время властно обозначило изменения в практиках и кодах поведения, разрушив систему партикулярных устремлений мирной жизни.

Анализ привлеченных биографических исторических нарративов показывает, что для представителей всех этнических групп населения республики, вне зависимости от места их проживания, объявление войны 22 июня 1941 г. и все, что затем сразу последовало, явились ярко детализированным первособытием. Оно лежит в основе реинтерпретации отдельным человеком тех исторических событий, которые изменили весь ранее существующий мир повседневности. Респонденты всех возрастных групп вне зависимости от места своего проживания подчеркивали, что с началом войны в их жизнь вошло ощущение тревоги и беды. «Нас собрали, и гонец из сельсовета сказал про войну. Бабы сразу завывали, запричитали. До сих пор как вспомню, так не по себе, будто вчера было. Не ослабевает память, много чего забыл, а это помню» (интервью, Медвежьегорский р-н, д. Паданы). «Повестку отцу из сельсовета быстро принесли, чуть ли не в первый же день. Помню только, что мать плачет, да отца собирает, ходит по дому. А мы тихо сидели и смотрели. Хорошо еще, что никто не знал, какой ужас нас ждет» (интервью, Заонежский р-н, д. Шуньга). В Заонежье во время проводов на фронт стихийно возобновилась старинная традиция причитаний, казавшаяся уже ушедшей из повседневной практики, но не забытая. «Отец послушал причати и сказал, что также и на Германскую войну провожали» (интервью, Заонежский р-н, д. Ламбасручей). Подробные детализированные картины проводов на войну

близких зафиксированы в интервью, собранных в Беломорске, Нюхче, Сумском Посаде.

Эвакуация гражданского населения КФССР стала осуществляться с первых дней войны и производилась на местах с огромным напряжением сил партийных и советских органов. Всего из республики было эвакуировано свыше 500 тыс. чел.¹ Особенно сложно было организовать эвакуацию населения в сельской местности советской Карелии. Разбросанность деревень, плохая связь, отсутствие достоверной информации о продвижении противника, недостаток транспортных средств и людей, которых можно было привлечь к организационной работе, — все это осложняло ситуацию. Личные свидетельства показывают, что события этого времени, вызывавшие сильное эмоциональное воздействие, усилили процесс их запечатления в памяти людей: «Так и вижу, как мы собираться стали», «Все перед глазами стоит», «Хорошо помню, как к эвакуации готовились».

Быстрое продвижение финских войск в Приладожье не позволило подавляющей части населения уйти от неприятеля. Единственный возможный маршрут для эвакуации — река Свирь, Подпорожье, Волховстрой — был перерезан финскими войсками в августе 1941 г. Население Олонецкого и Шелтозерского районов и г. Олонца вынуждено было вернуться в родные места. О той нервозности и элементах паники, которые тогда наблюдались, говорят многие детали воспоминаний: «Помню, прискакал бригадир на лошади, и сразу орет матери: „Ты еще здесь. Финны рядом, дура, уходи немедленно!“ Мать в ответ ему, что никуда не пойдет. Тут все хозяйство, корова, две овцы. Бригадир видно хотел все же заставить ее уйти и давай пугать нас, детей. Мне было 13 лет, братьям 10 и 5. Говорит: „Ты пионерка, вот финны тебе нос да уши отрежут сразу, да и братьев не пожалеют“. Я в рев! Кинулась к матери, а она говорит, что пешком от финнов все равно не уйти. Да и зачем мы финнам нужны. Им и без нас дел хватит» (интервью, Олонецкий р-н, д. Погранкондуши). Типичность этих сюжетных повествований подтверждается данными, которые были собраны зафронтовой разведкой: «Накануне дня оккупации под вечер в деревне стали носиться слухи, что финны находятся за 25 км. А поздним вечером посыльный из сельсовета обходил все дома с приказанием готовиться к эвакуации. Вся деревня всю ночь не спала, готовили необходимые вещи, пекли хлеб на дорогу. Приказали выходить ранним утром и гнать с собой скот. Но с дороги все вернулись обратно в деревню. Не успели уйти. Финны нас опередили»².

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 603.

² Архив Управления ФСБ Российской Федерации по Республике Карелия (далее — Архив УФСБ РФ по РК), КРО, оп. 1, пор. 98, л. 648.

При приближении неприятельских войск населением повсеместно использовался прежний опыт поведения во время военных действий. Воспоминания о Гражданской войне подсказывали, что процесс смены власти — самый опасный и непредсказуемый. Материалы интервью показывают, что в этой обстановке символически спасительными воспринимались прежде всего лесные урочища и водное пространство. По горячим следам событий зафронтовой разведкой были записаны воспоминания жителя Ведлозерского района о захвате его родной деревни финскими войсками в августе 1941 г.: «Со стороны деревни Гижозеро слышалась сильная артиллерийская стрельба. Снаряды рвались рядом у нашей деревни. Жители скрывались в подвалах и картофельных ямах, некоторые рыли убежища. Так продолжалось два дня. На третий день к артиллерийскому обстрелу деревни добавились непрерывные бомбежки с самолетов. Население покинуло деревню и ушло в лес. Но финны, опасаясь, чтобы население не примкнуло к Красной Армии, выгнали всех из леса»¹. Материалы современных устных опросов подтверждают стремление местных жителей летом — осенью 1941 г. именно в лесу как наиболее доступном убежище и вдали от разворачивающихся событий пережить захват своих деревень неприятелем: «Многие из наших деревенских в лес побежали, чтобы под горячую руку не подвернуться. Кто их знает, какой у финнов приказ. Они же нас всех коммунистами считали» (интервью, Занонежский р-н, д. Вирандозеро). Многие жители сельской местности при приближении врага попытались «схорониться» на островах, где и пережидали возможные боевые действия. «А война была, так на большом острове сидели неделю, потом я пошла на берег и лодка с финнами пришла. Я даже села, так испугалась. А финн говорит: „Идите в свои дома, живите“» (интервью, Ведлозерский р-н, д. Юргалица). «Как бомбить стали — мы все на острова кинулись. Нас бабушка тоже повезла. Долго там жили. С коровами, овцами. Потом вернулись, а дома пожжены. Это наши жгли, когда отступали, чтобы врагу не досталось. Так землянки вырыли, в них и жили» (интервью, Олонецкий р-н, д. Мегрега). «Велено эвакуироваться было, мы на лодках и поплыли. Много народа собралось на озере Суднозеро. Вдруг стали говорить, что все, не успели уехать. Финны уже на берегу. Мы все на островах попрятались, не знали что делать. Боялись! А дым-то от костров все равно видно. Решили отрядить нашего деда с финнами договариваться. А те велели всем возвращаться, что не тронут, мол» (интервью, Калевальский р-н, д. Вокнаволоок).

¹ Архив УФСБ РФ по РК, КРО, оп. 1, пор. 93, л. 106.

Финским войскам удалось к концу 1941 г. значительно продвинуться вглубь территории советской Карелии. По оперативным данным по состоянию на май 1944 г. из 26 районов, входивших в состав КФССР, были оккупированы полностью территории 17 районов и 9 городов. Территории 4 районов были заняты финскими войсками частично. Кроме того, на оккупированную территорию советской Карелии финские власти переселили 2000 человек из Подпорожского и Вознесенского районов Ленинградской области в целях очистки прифронтовой полосы на Свирском участке фронта¹.

Утрата мирной жизни в воюющем государстве негативно сказывается на положении всего гражданского населения. Однако участь той его части, которая оказалась в оккупированных врагом районах, по настоящему катастрофична из-за резкого системного крушения ранее существовавших регулятивных норм и изменения привычных жизненных реалий. Начало оккупационного периода в биографических нарративах обозначается как первый опыт взаимодействия с финскими солдатами. Подобные ситуации описывались как в карельских, так и в русских деревнях: «Впервые я увидела финнов, полоская белье на речке. Они приехали на велосипедах, были очень доброжелательны с нами. Каждого чем-нибудь одарили: кому перчатки, кому карамель» (интервью, Олонецкий р-н, д. Печная Сельга). «Отец на улице столярничал и объявил, мол, вон финны идут. Все попрятались, а отец как работал, так и работал. Ну, финны к нему в дом и завалили. Дом-то самый красивый, просторный. Отца-то особо и не спрашивали, можно или нет. Вошли в дом, мамке говорят: „Мать, ставь самовар!“ Мать, значит, ставить пошла. Финны танцы захотели устроить под граммофон. Ко мне финн подходит с коробкой конфет. Протягивает, а я не дура, не беру. Думаю, вдруг отравленные. Он тогда расхохотался, понял видно, и сам конфетку съел, не боясь, мол» (интервью, Заонежский р-н, д. Селецкая). Эти впечатления совпадают с донесениями зафронтовой разведки о первых контактах финских солдат с населением карельской деревни Панила Ведлозерского района. Информатор сообщил, что «в деревне все собрались эвакуироваться, только не знали по какой дороге. Вся жизнь в колхозе почти замерла, на работу в поле никто не выходил. Ухаживали только за скотом да работали на огороде. Все это время финны в деревню не приходили, но мы слышали, что в соседней деревне Кинерма они уже появились. Все дни до прихода финнов мы вместе всей деревней ходили на пожни убирать сено. Узнав, что в деревню вошли финны, мы бросили

¹ Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, пор. 117, л. 49.

работу на сенокосе и отправились домой. Едва я успел войти в дом, как в деревню въехали финские солдаты. Они стали ходить по домам и говорить, что теперь будет свободная жизнь без колхозов, без большевиков. Они обещали населению, что через несколько недель война будет окончена. ... Объявили, что пришли освобождать карельский народ от большевиков. Поэтому в первые дни после своего прихода они никого не трогали, хорошо обращались с населением, а продукты от населения брали только за деньги»¹.

Однако режимные правила существования для гражданского населения финские власти начинали оформлять без промедления. Прежде всего, был произведен учет оставшегося на захваченной территории населения². Сохранилось подробное описание одного из очевидцев, каким образом выдавались финские паспорта: «В деревню Панила приехали полицейские руководители из штаба и объявили, что начинается выдача паспортов и хлебных карточек. Они поместились в школе и стали вызывать к себе семьями. И меня вызвали на комиссию. Я пришел в школу и зашел в комнату, где находилась комиссия. В маленькой комнате за двумя столами сидело 6 человек полицейских чиновников, двое были женщины. Меня спросили год рождения, фамилию, имя и отчество, а также измерили мой рост, определили цвет глаз и волос. У всех людей, которые получали финские паспорта, полицейские отбирали советские, но я решил им паспорт не отдавать и уменьшил себе год рождения, чтобы на следующий год не забрали в финскую армию»³. После переписи русскому населению были выданы паспорта красного, а карелам, вепсам и финнам — голубого цвета. По сведениям зафронтовой агентуры достаточно было доказать при помощи родословной, что твой дед или прадед — карел, вепс или финн, как сразу выдавался голубой паспорт, который ставил человека в привилегированное положение⁴.

Эти мероприятия положили начало оккупационной политике, имевшей четкие разграничения по этническому признаку. До переписи и выдачи паспортов в биографических нарративах русского, карельского и вепского населения наблюдалась общность в зафиксированных событийных моментах, выявлялась типика жизнеописательного материала. После переписи начинали формироваться два отличных друг от друга вида коллективной памяти, два тематических поля, основанных на национально-региональных отличиях оккупа-

¹ Архив УФСБ РФ по РК, КРО, оп. 1, пор. 93, л. 106.

² Там же, ФСДП, оп. 1, пор. 117, л. 56.

³ Там же, КРО, оп. 1, пор. 93, л. 106об.

⁴ Там же, ф. 6, литерное дело 11, л. 126.

ционной политики¹. Групповой и индивидуальный опыт, приобретенный славянским населением в ходе этнического размежевания, четко позиционируется в биографических интервью: «Мы ведь с соседями, карелами, жили хорошо, дружно. Когда по финским паспортам мы стали вроде бы как люди второго сорта, то они и общаться перестали. И паек у них был больше, и оплата труда у них выше и всякие другие права. А скоро нас вообще ни за что, ни про что выселили в другую часть города, отобрав все имущество. Затем направили в концлагерь. Как к карелам после этого относились? Да уж любви не было, хоть и понимали, что все это финские власти творят» (интервью, г. Петрозаводск); «Нас учили, что наши враги финские буржуи, а финские рабочие и крестьяне наши друзья. Никто о национальностях тогда не думал. Все национальности были хороши. Получилось, что нас можно мучить за то, что мы не карелы» (интервью, г. Петрозаводск). Раскол населения по этническому принципу крайне болезненно воспринимался «инонационалами». Эмфатические интонации высказываний у многих респондентов свидетельствуют, что само это название воспринималось как унижающее клеймо, и внутренне смириться со своей неполноценностью люди не могли. В интервью спонтанно происходило эмоционально-экспрессивное акцентирование как раз той части текста, которая касалась сегрегации.

Проведенная перепись позволила установить усиленное наблюдение за гражданским населением. В населенных пунктах создавались полицейские участки, которые следили за выполнением установленных правил чрезвычайного положения, при котором ограничивалось право передвижения из одного населенного пункта в другой, и для этих целей вводились специальные пропуска, вводился комендантский час, запрещалось предоставлять ночлег лицам, не прописанным в данном доме. Ужесточение контроля над населением дополнялось усилением репрессивных мер. Систематически проводились обыски и облавы. Малейшее нарушение правил влекло за собой жесточайшие наказания, вплоть до расстрела². Военная полиция через свою агентуру выявляла людей, настроенных лояльно к советской власти или оказывавших какую-либо помощь партизанам или разведчикам³. Для тысяч людей, оставшихся на захваченной территории, оккупационный режим трансформировал привычный ритм повседневности в ситуацию, когда жизнь человека постоянно оказывалась на грани смерти.

¹ Архив УФСБ РФ по РК, ф. 6, литерное дело 11, л. 127.

² Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. С. 79.

³ Архив УФСБ РФ по РК, ф. 6, литерное дело 11, л. 217.

Повседневность в пространстве оккупации характеризуется в интервью, прежде всего, личной незащищенностью человека. Особенно жестоко оккупационные власти расправлялись с людьми, помогавшими или просто вступавшими в контакт с партизанами, диверсионными и разведывательными группами. Картины постоянных, часто ежедневных обысков, допросов родных или соседей, рассказы очевидцев о расстрелах и издевательствах над заключенными в тюрьмах запечатлелись в памяти жителей Заонежского района как определяющие, знаковые моменты того времени: «Финны партизан и разведчиков боялись так, что готовы были всех нас в концлагерь заключить, и старых и малых. Еду отбирали, вещи, чтобы только мы лишним с партизанами не поделились. Ведь молодежи из Заонежья много ушло в партизаны. Зайдут к родне, а те кроме слез ничем поделиться и не могут, сами голодают. Да и финны-то как жестоки были, как наказывали страшно за связь с партизанами. И порку устроят, и всех в арестантские будки сажают, а то и тюрьму. Целыми деревнями в лагерья посылали, потом всех с побережья Онежского озера выселили. Не могу и вспоминать!» (интервью, Заонежский р-н, д. Усть-Яндома).

Для управления захваченной территорией был создан разветвленный военно-административный аппарат. В исследовательской литературе отмечалось, что «опыт организации работы с мирным населением был получен еще в период событий 1918–1922 годов»¹. Властная система выстраивалась таким образом, что основная работа с населением приходилась на волостное и районное начальство, «проводящее все военно-административные мероприятия через сельских старост»². Комендантами и старостами в волостях с карельским или вепским населением преимущественно становились люди с антисоветским прошлым или пострадавшие от советской власти, имевшие родственников в Финляндии³.

В Заонежском районе с русским населением социальный портрет старосты был несколько иной. Некоторые старосты до оккупации работали председателями колхозов, другие до войны состояли в рядах ВКП(б), но были оставлены финской властью на свободе, и их авторитет использовался в организационных целях⁴. Они оказались на завоеванной территории по разным причинам и, по воспоминаниям

¹ Йокипин М. Основные этапы экономического и политического развития Карельской республики // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля, 1995. С. 368.

² Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, пор. 117, л. 53.

³ Там же, л. 54.

⁴ Гуцин Б. А. Кижы во время оккупации (1941–1944 гг.) // Кижский вестник. Вып. 8. Петрозаводск, 2003. С. 50.

своих односельчан, стремились в создавшихся условиях обеспечить относительную безопасность существования деревни, «занимались откровенным выживанием, всеми силами старались особо не подличать и не унижаться перед оккупантами»¹. Однако подобная ситуация была скорее исключением из правил, временным компромиссом, связанным с планами финских властей в перспективе освободить Заонежский район от русского населения и переселить сюда выходцев из Финляндии. На время войны финской власти необходимы были опытные управленческие кадры, для того чтобы на местах организовать работу в аграрном секторе региона и на лесозаготовках. Этим и определялась подобная терпимость. В то же время старосты других заонежских деревень преданно служили финским властям. Так, «по доносу старосты Сонникова И. полицией был арестован председатель Великогубского сельсовета Редькин Ф. А., член ВКП(б), его задержали и заключили в Космозерскую тюрьму, где он сидел трое суток без еды, на 4 суток без суда и следствия Редькин был расстрелян лично начальником полиции, который особенно зверски относился к населению». Подобные случаи были распространенным явлением². По донесениям зафронтовой агентуры, значительная часть провалов в деятельности подполья и партизанских групп была связана с предательством именно старост³.

Старосты являлись главными информаторами властей о жизни населения и его настроениях⁴. От их позиции зависело благополучие многих людей, поэтому в памяти у респондентов отложилось та настороженность, которую испытывали односельчане в отношениях с человеком, облеченным опасной властью. В личных свидетельствах фигура старосты не менее значима, как символ нового оккупационного пространства, чем образ финского солдата: «Старостой у нас был мой дядька. Но я его всегда боялась. Страшно было что-то говорить при нем. Мама просила, чтобы я в дом к ним не бегала и не надоедала. Теперь-то понимаю, чего мама боялась. Я болтливая была и прямодушная. Все расскажу, что на душе» (интервью, Ведлозерский р-н, д. Мишина Сельга). «Староста был из наших деревенских, а никому не помогал. Думаю, что и доносил на нас финнам. Ведь собираться-то при финнах нельзя было в домах, даже по-дружески на вечёрки. Так ходил, гад, и подслушивал. Нет ли у кого гостей» (интервью, Заонежский р-н, д. Типиницы).

¹ Гуцин Б. А. Указ. соч. С. 50.

² Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, пор. 117, л. 67.

³ Там же, КРО, оп. 1, пор. 84.

⁴ Там же, ФСДП, оп. 1, пор. 93, л. 116.

При финском оккупационном режиме для всего гражданского населения вводилась обязательная трудовая повинность. Чаще всего это были лесозаготовки, работы на строительстве дорог, рытье окопов, сельхозработы и т. д. Принудительный труд в условиях оккупации — это особая, остро обозначенная тема меморатов, связанная с приобретением травматического опыта военного времени. Тексты, описывающие трудовую повинность во время оккупации, отличаются высокой степенью детализации и повышенной эмоциональностью общего фона информации: «Работу на финнов никогда не забуду. Почему-то в памяти только холод, ветер. И голод конечно. Меня не били, потому что женщинам не так доставалось от их злости. А как били парней — видела. Да чего уж, за рабов держали»; «Финны как у нас в Селецком поселились, так нас, молодежь, сразу на лесозаготовки отправили. Финны там всем руководили, распорядок дня был четкий. Так-то не обижали, но в плену есть в плену. Чуть замешкаешься, так орет на тебя и плеткой еще ударит. А то и сапогом пнет. Потом нас финны окопы копать заставили. Два года я их окопы рыла, так хоть бы что заплатили. Вместо этого галеты давали, а с них разве наешься. У нас даже частушку пели, когда охрана не слышала:

Сталин подал телеграмму
Норму дать по килограмму,
Маннергейм кричит: „Не дам!

Финска норма 300 грамм“» (интервью, Заонежский р-н, д. Селецкое).

Память заонежан о трудовой повинности у всех без исключения респондентов дополняется воспоминаниями об изнуряющем чувстве голода, который преследовал население Заонежья на протяжении всего оккупационного периода: «На работе отупеешь, уже ничего не соображаешь, как заведенная дробишь камень, делаешь щебенку, а живот от голода так и подводит, аж до колик»; «Помню, так есть хотелось, что я все жевала: траву, молодые побеги сосны, хвою. От них потом такая горечь во рту была, но голод стихал. Конечно же, весной ели крапиву и лебеду, да и много еще чего. Не дай Бог и попробовать!» (интервью, Заонежский р-н, д. Космозеро); «Финны на строительстве дороги все время кричали на нас и плеткой махали, что мы лентяи. Подгоняли. А мы так ослабели от их кормёжки, что еле ползали. Мне даже все равно было, будут они меня бить или нет. Быстрее шевелиться я все равно не могла» (интервью, Заонежский р-н, д. Толвуя).

Личные свидетельства рисуют трагическую картину происходившего на оккупированном пространстве 1941–1944 гг. в Заонежье. Однако, стремясь к объективности в своих рассказах, заонежане, тем не

менее, подчеркивали, что за три года «при финской власти» попадали в разные ситуации, в которых финны проявляли себя с неожиданной стороны: «Один финский солдат тебя за человека не считает и это тебе показывает, всячески унижает, а другой галеты твоим детям сунет» (интервью, Заонежский р-н, д. Шуньга). Одна из респонденток запомнила, как ее, маленькую, лечил финский доктор: «Все думали, что помру, а военный финский врач вылечил и лекарство дал бесплатно» (интервью, Заонежский р-н, д. Толвуя). Приводятся примеры доброжелательного отношения финнов в отношении детей: «Я маленькая пела хорошо. Иду с речки с водой и пою во весь голос, а финны кричат: „Катюша, Катюша!“ Заказывают, чтобы я им „Катюшу“ спела. Я и пела, а они мне за это галеты давали. Кормилицей семьи была» (интервью, Заонежский р-н, д. Вирандозеро). В интервью нашли свое отражение истории, повествующие о приездах и работе финских архитекторов, которые занимались обмерами деревянных часовен и церквей, отдавали распоряжения о починке на них кровель, вели учет и реставрацию икон. Свою личную судьбу в оккупации каждый респондент из Заонежья воспринимал только в контексте общих событий, описывая ее на высоком эмоциональном уровне. Жизнь на захваченной территории откорректировала повседневные практики, видоизменила партикулярные смыслы существования. «Все делали только то, что приказывали, иначе было не уцелеть. В неволе жили» (интервью, Заонежский р-н, д. Толвуя).

Войны, как и другие социальные явления, основанные на групповом опыте взаимодействия, играют особую роль в выработке упрощенных и эмоционально окрашенных представлений о себе и других. Подобные стереотипы общественного сознания, отражая конформизм по отношению к членам своей группы и неприятие по отношению к чужим общностям, определенным образом структурируют и интерпретируют информацию о внешнем мире¹. Само выделение «чужих», в данном случае финских военных, еще не предполагает откровенной враждебности, они сначала могут осознаваться лишь как носители иной культурной традиции. Но в условиях оккупационного режима, когда любое нарушение установленного порядка таило реальную опасность, возникала экстремальная ситуация, при которой у населения включались механизмы психологической защиты. Враг своими карательными действиями начинал вызывать ненависть и

¹ Кринко Е. Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004... С. 239.

страх, он наделялся такими качествами, как жестокость и варварство. Всем его действиям приписывались самые неблагоприятные мотивы, а победа над врагом рассматривалась как победа над злом¹.

Подавляющее большинство финно-угорского населения Карелии проживало в сельской местности, и биографические интервью показывают сложную и неоднозначную картину обыденной жизни карельской и вепсской деревни. Личные свидетельства говорят о том, что существование было достаточно сурово уже по одному тому, что оно было подчинено чрезвычайной обстановке военного времени и режимные условия распространялись и на них. С началом оккупации финно-угорское население столкнулось с проблемой переосмысления ценностных ориентиров. Финская пропаганда многое сделала для того, чтобы внушить каждому идею о позитивных целях национальной политики, проводимой на захваченной территории, главными из которых являлись воссоединение родственных народов и развитие культуры и экономики². Традиционно тесная связь карельского населения приграничья с Финляндией еще с дореволюционного периода, наличие у многих там родственников и знакомых не могло не повлиять на восприятие финских властей и их действий, предопределив лояльное отношение. Финская власть не воспринималась как власть, навязанная врагом. При отсутствии связей местного населения с партизанами и подпольем жесткость чрезвычайного режима военного времени не ощущалась в той мере, как на территории Заонежья. Политика патронирования содействовала относительному улучшению жизненного уровня финно-угорского населения. Респонденты отмечали при опросах этот факт как определяющий их отношение к финскому правлению. Многие считали, что финская организация труда была гораздо перспективнее, чем при советской власти.

Характеризуя финскую политику в области экономики, респонденты отмечали, что восстанавливались основы традиционной национальной культуры, опираясь на которую можно было эффективно решать проблемы переустройства хозяйственно-трудовых практик. В условиях преобразований исторический опыт старшего поколения, не утратившего память о жизни доколхозной деревни, стал особенно востребованным: «Я думала, что дед с бабкой уж отжили свое. На печке им место. Такая боевая была пионеркой. Мне указ — только

¹ *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 251–257.

² По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944. С. 100.

учительница. А война началась, так только на деде с бабушкой все и держалось. Они все понимали, что да как делать надо» (интервью, Олонецкий р-н, д. Крошнозеро).

Решение аграрного вопроса в Восточной Карелии связывалось с созданием самостоятельных крестьянских хозяйств. В конце января 1942 г. по приказу Маннергейма жителям Восточной Карелии земли выделялись во временное пользование бесплатно. Это было воспринято населением положительно. Респонденты отмечали, что тогда появились новые возможности для развития крестьянского хозяйства: взять ссуду, получить скот в личное пользование, арендовать необходимое количество земли. Воссоздавались старые доминирующие до коллективизации социальные практики и нормы поведения. По воспоминаниям в семьях широко использовали возможность аренды, земельная политика финнов активно поддерживалась: «Родители говорили, что взяли только свое, то, что у них до колхоза было. Правда, еще и луга арендовать стали, так как отец решил коров разводить» (интервью, Олонецкий р-н, д. Нурмолица); «Дед мой сразу арендовал участок под пашню, говорил, что земля там хорошая. И большой урожай с него взял» (интервью, Олонецкий р-н, д. Тукса).

Всеобщая трудовая повинность финно-угорским населением не воспринималась с таким трагизмом, как в Заонежье, по причине относительно хорошей оплаты труда. Карельское и вепсское население не испытывало таких систематических голодовок, как русское. Оно не знало изнуряющего повседневного существования на грани выживания. Это подтверждается текстами мемуаров и личными свидетельствами, зафиксированными в письмах, направленных сразу после освобождения родственникам и знакомым в 1944 г.: «Мы три года работали индивидуально под владением Финляндии. Жили ничего, с хлебом, были сыты. Издевательства со стороны финнов над нами не было и обращение было хорошее»; «При финнах жили на ихние марки, работа спорилась, и жили хорошо. Работали свободно»; «Нюра, мы уже два года жили на своем единоличном хозяйстве, имели 2,5 га земли, 2 лошади, имели свинью, корову и работали для своей потребности, ... у нас прекрасно жилось»¹.

В ноябре 1941 г. на оккупированной территории, где проживало финно-угорское население, были открыты первые народные школы, призванные воспитывать местную молодежь как истинных граждан Великой Финляндии. «В школе мы все сами делали: и полы мыли, и на кухне работали, и на пришкольном участке, где выращивали овощи для

¹ По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944. С. 520.

школьной столовой. Никто ничего не воровал, Боже упаси! За это неминуемое наказание — розгами секли. Конечно, мы боялись, а затем приучены были к порядку» (интервью, Олонецкий р-н, д. Улялега). В финской школе восстанавливалась такая система моральной регуляции, при которой наблюдалась непосредственная апелляция к страху стыду. Это становилось нормативным регулятором при выработке поведенческих стратегий ученика. Одновременно в учебных заведениях вводилась и система поощрений. Это различного рода подарки и поездки на экскурсию в Финляндию. «У нас класс небольшой был — 11 учеников. И учительницу свою мы любили... Она придумала свозить нас в Хельсинки. ...Мы туда на три дня ездили после окончания 3 класса. Правда, после войны я и заикнуться об этом боялся» (интервью, Ведлозерский р-н, п. Ведлозеро); «Мне нравилось, что в финской школе очень много уделялось внимание трудовому обучению. Я там столлярничать хорошо научился» (интервью, Олонецкий р-н, д. Верховье). Активную роль в школьном образовании должна была играть церковь.

Финские власти уделяли роли церковной жизни в создании «нового порядка» на территории Восточной Карелии большое внимание. Всех детей до 10 лет на оккупированной территории священники должны были крестить, без этого не выдавались продовольственные карточки. Респонденты вспоминали о том, что бывали ситуации, когда на всякий случай крестили уже ранее крещенного ребенка: «Надой потом отец все подсмеивался, ну, ты у нас дважды крещенная, тебе ничего не страшно» (интервью, Заонежский р-н, д. Космозеро). Причем иногда крещение по православному образцу производил лютеранский священник в связи с недостатком православных священников, которые могли бы организовать приходскую жизнь на оккупированной территории¹. После церковных гонений 20–30-х гг. XX в. в СССР происходило восстановление приходов. «Как мы все радовались, когда церковь открыли. Особенно бабушка и мама. Нас, детей, с собой на службу обязательно брали и молитвам стали учить» (интервью, Олонецкий р-н, д. Верховье). Стойкая приверженность большинства карел и вепсов исконной для них православной вере не допустила «лютеранизации местного населения, несмотря на то, что военные пасторы спонтанно начали в 1941 году просвещение... в духе лютеранской веры. Православные в Финляндии, однако, выступали против. ... Этот вопрос разрешил Маннергейм, запретив 24.4.1942 г. обращение в лютеранство православных»².

¹ Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, пор. 117, л. 63.

² *Йокитии М.* Указ. соч. С. 368.

В меморатах затронута и тема личных отношений с финскими солдатами. Не только в карельских или вепсских, но и русских деревнях имели место любовные связи молодых женщин и девушек с финнами. О подобных отношениях респонденты говорили без осуждения, некоторые во время интервью делились пережитым с поразительной искренностью. Случаи насильственных сексуальных домогательств были редки, и, как отмечалось в интервью, «если поступала на солдат жалоба, то в суде должно дело разбираться. Нам финский офицер об этом объявил. Насильничать финнам не разрешалось. У них тут был порядок» (интервью, Заонежский р-н, д. Вирандозеро).

Для всего без исключения гражданского населения в условиях оккупации усилилось значение малой Родины и семьи. В научной литературе усиление сплоченности семьи перед лицом невзгод признается типичной практикой для времени «катастроф»¹. В биографических интервью подробно описывается, как съезжались семьи, как возвращались в деревню уехавшие в город члены семьи. Многие респонденты отмечали возросшую роль в семье старшего поколения как наиболее умудренного в различных жизненных коллизиях. Семья становилась для жителей на оккупированной территории убежищем от жестокой действительности, и отношения между людьми ограничивались преимущественно узкими рамками контактов между близкими родственниками. Увеличивалась закрытость семьи не только в материальной, но и в эмоциональной и духовной сферах. Крепкие семейные узы становятся доминантой, определяющей устойчивость мира повседневности.

Содержание и формы репрезентации войны — это явление многомерное². Биографические интервью, полученные в ходе опросов людей, оказавшихся в оккупации на своей «малой» Родине, сложны и разностойны по структуре текста. В повествованиях о травматическом опыте военных лет воедино спрессованы и современные умонастроения, господствующие в обществе, и элементы коллективной памяти, и личное видение прошедших событий с его индивидуальным пониманием, толкованием и соотносением с жизненными коллизиями последующих лет жизни. Это означает, что личные свидетельства вбирают в себя все новые и новые интерпретации прошлого. «Здесь нет исходной интерпретации отправителя сообщения и конечной его интерпретации дешифровщиком, но одновременно присутствует множество интерпретаций получателя и отправителя»³.

¹ Человек в мире чувств. М., 2000. С. 66.

² *Ashplant T., Dawson G., Popper M.* The Politics of War Memory and Commemoration. London, 2000. P. 6–8.

³ Вансина Я. Устная традиция как история // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 108.

Содержание биографических интервью свидетельствует, что, несмотря на регионально-национальные отличия, общие узловые пересечения в них однотипны применительно только к первому этапу войны и атмосфере тех дней, когда проводилась массовая мобилизация, эвакуация населения, происходило отступление Красной Армии и появление финских войск. В целом в биографических интервью, посвященных существованию в пространстве оккупационного режима 1941–1944 гг., обозначаются резкие расхождения и определяются базовые отличия, вызванные той национальной политикой, которую финские власти проводили на захваченной территории. Это повлияло и на речевые предпочтения в текстах интервью. Так, карельское и вепсское население, рассказывая о событиях оккупации, преимущественно говорит: «когда пришли финны», «при финской власти», «когда финны заняли деревню», у русского населения преобладают вербальные формулы: «когда мы в плен попали», «когда финны оккупировали», «в оккупации у финнов», «в финской неволе». Это свидетельствует об изначальном несовпадении оценок и трактовок пережитого в годы оккупации, которые предопределили стратификацию и основные сегменты индивидуального и коллективного опыта финно-угорского и славянского населения¹.

Биографические интервью современников Второй мировой войны, проживавших в тот период на территории Карелии, создают возможность увидеть в каждом респонденте участника диалога, с которым мы вступаем в коммуникативный процесс в ходе рождения живой ткани непосредственного воспоминания². Это помогает воссоздать стереоскопичность исторического контекста и интерпретировать приобретенный личный исторический опыт современника событий в общем пространстве военного противостояния.

¹ Киселева О. А., Никулина Т. В. Гражданское население и оккупационный режим / Советская Карелия в пространстве оккупации: 1941–1944 годы. Круглый стол // Отечественная история. 2006. № 4. С. 81.

² Хауманн Х. Переосмысление насилия эпохи сталинизма в личных свидетельствах (методические замечания) // Век памяти, память века... С. 206.